

Николай Гайдук

Мелодия, чистейшая, как воздух

Мелодия, чистейшая, как воздух,
И слушать—как дышать, не надыхаться,—
Звучащая повсюду в юных вёснах,
Теперь ты появляешься не часто.
Теперь всё больше—скрежеты и стоны,
Как будто бал справляет сатана.
И соловей теперь гроша не стоит,
И дорогого стоит тишина.

Когда смолкают вьюги на планете
И в небесах стоит сугроб луны—
Нет ничего прекраснее на свете,
Чем таинство великой тишины.
Не каждому дано в ней раствориться;
На берегах, в горах, в лугах её
Учился я работать и молиться—
И ощущать под сердцем острё.
Вот почему так жарко под рубахой,
Вот почему уже почти сто лет
Я говорю с травой, ветрами, птахой—
И слышу откровение в ответ.
Но тишину гнобят и убивают—
Тут местечковый князь, а там холоп.
То, что они искусством называют,—
Меня когда-нибудь загонит в гроб.

И всё же есть испытанное средство,
Чтобы опять открылся мир чудес:
Скрипичный ключ моё откроет сердце—
И хлынет ливень музыки с небес.
И я опять как будто в юных вёснах,
И шар земной быстрее стал вращаться,
И нам с тобой уже не распрощаться—
В полях, в горах, в берёзах или в соснах—
Мелодия, чистейшая, как воздух,
Дышать которым—век не надыхаться.

Иголкой сосновой прививку мне сделали в детстве—
В бору заповедном, где тихо волчиха жила.
Дожди и снега над кострами любили погреться,
И что-нибудь жуткое ночь вдохновенно плела.

Среди этих сосен росли мы порой, как волчата,—
До крови могли за свою правоту постоять.
Мы рано узнали, как мало нам нужно для счастья—
Еда под ногами, и волю у нас не отнять.

Всё это потом пригодилось мне в жизни огромной—
По дебрям таёжным, по каменным дебрям блуждал.
Кормился, бывало, одной только ягодой скромной,
Людей опасался, а зверя улыбкой встречал.

Бывало и так, что трещала душа, как рубаха,—
Иголка сосновая мне помогла в шалаше:
Заштопал я душу, да так, что не ведает страха—
Зато поселилась великая грусть на душе.

Как будто враги нашу землю хотят обездолить—
Топор ненасытный гремит и гремит над страной.
Иголка сосновая сердце мне колет и колет!
Неужто пора попрощаться с последней сосной?

Зелёное золото гонят по рельсам на запад,
Зелёное золото мчится на Дальний Восток.
От русского леса мы детям оставим лишь запах,
Да русскую сказку расскажет Иван-дурачок.

Хотя, может быть, и спохватимся мы наконец-то,
И этот наш бор простоит ещё, может, века.
Иголкой сосновой прививку он сделает в детстве—
Отважному сердцу, открытой душе земляка.

Скоро нагрянет крошечное царствие тьмы—
Это предсказано зверем, травой и птицей.
Слышно, как ветер всё шепчет и шепчет псалмы,
Чтоб человек в человеке сумел возродиться.
Кругом идёт голова у Земли и трещит,
Стонут моря, и сквозят нефтеносные раны,
На солнцепёке горит бронетанковый щит—
И торжествуют, и плачут народы и страны.
Это гремит не война—это стройка идёт:
Новый ковчег заполняют всё новые твари.
Скоро вселенский кровавый потоп потечёт—
Всех наградит одинаково, всех отоварит.
После разбойничьих ядерных бурь и зимы
Тут не сумеет никто и ничто возродиться...
Слышно, как ветер всё шепчет и шепчет псалмы,
Слышно, как звёзды всю ночь продолжают молиться...

В мастерской художника

Нине Незговоровой

Нет на свете магии сильнее,
Чем святая магия—писать.
На холстах краснеют и синеют—
Горы, поле, море, летний сад.
Солнце нарисованное—греет,
А в цветах шмелям и пчёлам—рай.
И вот-вот антоновки созреют,
Выпадут из рамы—собирай.
А в другом углу—в родной сторонке—
Колосится хлеб на полотне.
Растянул улыбку месяц тонкий
Над рекой в туманном полусне.
За подрамник тянется дорога,
И уходит радуга в леса.
Подойди, сырой пейзаж потрогай—
И прилипнут к пальцам небеса.
Да, художник может рассердиться,
Только он в другой простор глядит.
На крыло своей златой жар-птицы
Он добавил жар—и пусть летит.
Пусть приходят взрослые и дети—
В горы, в море, в поле, в райский сад.
Нет сильнее магии на свете,
Чем святая магия—писать.

Уходит март—сгорают снеговья,
Которого здесь было выше крыши.
Ты ждёшь, когда природа запоёт,
И зацветёт, и реки заколышет.

И вдруг душа ударится в тоску,
Причины толком не осознавая.
Там, где вчера твой след был на снегу,—
Пробьётся завтра зелень молодая.

Настанет время солнца, время нег.
Ты долго ждал—пора повеселиться.
Но почему так жаль ушедший снег?
Придёт другой. А тот—не повторится.

Ты с каждым годом видишь всё острее—
Неповторимость капли и снежинки,
Неповторимый след судьбы своей,
Неповторимый свет во мраке жизни.

Первовесенница

Мороз уже не ерепенится
Среди курганов серебра.
Была и есть первовесенница—
Моя любимая пора.

От жизни мрачной и неласковой—
Душа рванётся в те края,
Где ходит с песнями и плясками
Любовь и молодость моя.

Там за рекою солнце прячется,
И ты смущённый прячешь взор.
Твоё взволнованное платище—
Меня волнует до сих пор.

И никуда теперь не денется
Твой дом в объятьях тишины.
Твои глаза, первовесенница,
Как два подснежника, нежны.

Свиданья чистые, безгрешные
Не обошлись без колдовства:
Твоё дыхание—ветры вешние,
У певчих птиц—твои слова.

Давным-давно невозвратимая—
В мечтах, во льдах или во сне—
Первовесенница любимая,
Ты согреваешь сердце мне.